

Дверь архива за спиной бесшумно сошлась, и прохлада змеей обвила спину Лу Цзина. Он не стал включать свет, его кончики пальцев скользнули по металлическому корпусу серверного шкафа — ледяному, безмолвному, похожему на пол той раздевалки семилетней давности. Он стоял там на коленях, а боль от раздробленных костей ног еще не дошла до мозга, когда он услышал голос Се Линя, доносившийся из-за двери: Не двигайся, жди врача.

Тогда он думал, что это проявление заботы.

Теперь он знал: это было удержание.

Экран слабо засветился, и система выдала предупреждение: Файлы наблюдения были удалены навсегда и не подлежат восстановлению.

Лу Цзин устоял на эту строку, дыша очень легко, словно боясь что-то спугнуть. Он не шевельнулся, а лишь медленно перевел пальцы к самому нижнему уровню сервера — там находился заклеенный скончавшейся лентой жесткий диск, на выцветшем ярлыке которого все еще оставалась рукописная цифра: 07.

Он поддел его и подключил устройство шифрованного чтения.

Три минуты, четыре неудачи, на пятый раз он ввел Jing-2017-06-17.

Пароль был его днем рождения.

Жесткий диск завибрировал, папка всплыла на экране.

Не видео.

Аудио.

Он надел наушники и нажал воспроизведение.

Первый звук — дыхание.

Учащенное, сдавленное, словно человек бежал или прятался.

Затем раздался голос Се Линя.

Низкий, сдержанный, каждое слово словно выдирали из горла силой.

Если донос предадут огласке, команду дисквалифицируют, и вся его жизнь будет разрушена.

Кончики пальцев Лу Цзина замерли на клавиатуре.

Он первый ребенок, которого я тренировал, я лично учил его подкатам, учил закручивать мяч левой ногой, учил не опускать голову под дождем. Он не нападавший, его вынудили. Но никто не верит. Они верят только в то, что Лу Цзин сошел с ума, верят только в то, что он покалечил человека.

Пауза. В наушниках послышался едва уловимый всхлип, похожий на сдавленный за горло стон.

Я не могу позволить ему нести это клеймо.

Горло Лу Цзина сжалось, словно его перетянули стальной проволокой. Он резким движением сорвал наушники, грудь его тяжело вздымалась, а холодный пот скатывался по виску за воротник. Он думал, что расследует сокрытие преступления, расследует предательство, расследует холодность и фальшь Се Линя.

Но правда оказалась не стеной.

Она оказалась бездной.

Се Линь не защищал насильника.

Он брал на себя вину Лу Цзина, чтобы унести ее в могилу.

Он не бросил его спасать.

Он потратил всю свою жизнь, чтобы вытащить Лу Цзина из ада, а затем лично запер дверь.

Лу Цзин повернулся и выбежал из архива, его шаги раскололи тишину коридора. Он бежал так же, как в те последние десять секунд финального матча семь лет назад — нога все еще болела, но сердце горело. Он вбежал в общежитие, перепрыгивая через две ступеньки на третью, но не успел он вставить ключ в замочную скважину, как дверь открылась сама.

Се Линь стоял на пороге.

В той же старой куртке, с потертыми добела манжетами и травинками с тренировочного поля на воротнике. В руке он держал черный жесткий диск — тот самый, который Лу Цзин только что скопировал с сервера.

Лунный свет косым лучем падал из окна в конце коридора, освещая его лицо, лишенное всяких эмоций, похожее на забытое в алтаре изваяние Будды.

Ты во всем разобрался, — произнес Се Линь.

Дыхание Лу Цзина было подобно порванным мехам, ему хотелось выругаться, заорать, разорвать это спокойное лицо, но из горла вырвался лишь один слог:

Ты?

Я ждал, пока ты докопаешься. Голос Се Линя был тихим, но бил по бетонному полу, словно молот. Ты копал три дня, обошел семь цепочек, поднял даже старую медицинскую карту старика Чжоу. Догадываешься, почему я не стал тебя останавливать?

Лу Цзин не ответил, продолжая смотреть на жесткий диск, как на неразорвавшуюся бомбу.

Ты докопался до истины, — Се Линь шагнул вперед, и лунный свет упал на его глаза, в которых не было ни гнева, ни раскаяния, а лишь бесконечная, бездонная усталость, — но хватит ли у тебя смежности обнаружить ее?

Кулаки Лу Цзина сжались так, что ногти впились в ладони.

Ты боишься не правды, — голос Се Линя стал тише, будто он говорил сам с собой, — ты боишься, что сам не достоин этой правды.

Воздух вокруг застыл.

В голове Лу Цзина вспыхнули картины семилетней давности — его грузят на ношилки, кровь сочится из штанины, окрашивая газон тренировочного поля в красный цвет. Се Линь сидит на корточках рядом, его руки дрожат, но он не прикасается к нему, лишь произносит: Не плачь, Лу Цзин, тебе нельзя плакать.

Он не плакал.

Он улыбнулся и сказал: Тренер, я еще могу играть.

Но в глубине души он знал — больше он никогда не сможет выйти на поле.

Он думал, что Се Линь отказался от него.

Но Се Линь прожил за него жизнь призрака, который не смеет плакать.

Ты... — голос Лу Цзина осип. — Почему... почему ты не сказал мне?

Се Линь улыбнулся, легко, словно ветер прошелестел по сухим листьям.

Сказать тебе, а что потом? Чтобы ты играл с чувством вины? Чтобы ты думал на поле: я выжил только благодаря жертве других? Чтобы с каждым забитым голом ты чувствовал себя вором?

Он поднял руку и мягко опустил жесткий диск на ладонь Лу Цзина.

Ты вернулся не для того, чтобы разоблачить меня. Ты вернулся, чтобы доказать: ты все еще можешь играть.

Лу Цзин опустил голову на жесткий диск, словно глядя на собственную разбитую тень.

А ты? — наконец спросил он. — Почему ты... не ушел?

Се Линь не ответил.

Он лишь отступил в сторону, уступая дорогу свету у порога.

Я не могу уйти, — произвел он. — Я задолжал тебе финал.

Лу Цзин замер.

Се Линь повернулся и направился к лестнице.

Завтрашнюю тренировку проведешь ты.

Ты... — окликнул его Лу Цзин. — Чего ты... в конце концов хочешь от меня?

Се Линь остановился, не оборачиваясь.

Разве ты не хотел подорвать мою тактическую схему? — тихо произвел он. — Так сделай это громче.

Дверь за его спиной закрылась.

Лу Цзин стоял на месте, сжимая в руке жесткий диск, словно раскаленный уголь.

Он вернулся в комнату, включил компьютер и подсоединил накопитель.

В папке, помимо аудиозаписей, обнаружились три видеофайла.

Он открыл первый.

На экране была запечатлена та самая раздевалка семилетней давности.

Запись велась с камеры наблюдения в углу.

Подросток в командной форме стоял на коленях, прижавшись лбом к стене, его плечи крупно дрожали.

Это был Лу Цзин.

Позади него стояли двое высоких игроков, размахивая бутсами и ухмыляясь.

А у дверей стоял Се Линь.

Он не заходил.

Он стоял снаружи, спиной к камере, вцепившись пальцами в дверной косяк так, что побелели суставы.

Его губы на видео шевелились.

Без звука.

Но Лу Цзин узнал это движение губ.

— Прости меня.

Второе видео показывало ночное тренировочное поле.

Се Линь в одиночестве на пустом поле снова и снова отрабатывал подкаты Лу Цзина. Он падал семь раз, колени покрывались кровью, но он не останавливался. На последнем ударе он закрутил мяч левой ногой, тот угодил в штангу, отскочил обратно, и он пластом рухнул на землю, не двигаясь.

Третье видео запечатлело больничный коридор.

Се Линь сидел на скамье, сжимая в руках лист с результатами обследования. Камера приблизилась, показывая медицинское заключение Лу Цзина: Оскольчатый перелом левой большеберцовой кости, повреждение нервов, вероятность завершения профессиональной карьеры — 97%.

Он не плакал.

Он просто разорвал заключение на мелкие кусочки и по одному запихнул их в рот, проглотив.

Видео закончилось.

Лу Цзин обессиленно рухнул в кресло, и слезы закапали на клавиатуру, размывая свет экрана в расплывчатое пятно.

Теперь он наконец понял, почему Се Линь никогда не смотрел на его тренировки.

Почему он ночами уходил на поле в одиночестве.

Почему он никогда не поливал тот высохший суккулент.

Он ждал.

Ждал, пока Лу Цзин вернется, пока разорвет все эти схемы и построения, пока сыграет в футбол, где нет тактики, нет правил, а есть лишь биение сердца.

Он не наказывал его.

Он ждал, пока тот снова станет самим собой.

Лу Цзин поднялся на ноги и подошел к окну.

Лунный свет пал на землю внизу: Се Линь все еще стоял посреди тренировочного поля в своей старой куртке, похожий на забытую статую.

Лу Цзин не шелохнулся.

Он лишь осторожно убрал жесткий диск в ящик стола.

Затем вытащил из-под кровати ржавый жестяной ящик.

Внутри лежала серебряная зажигалка, которую Се Линь сунул ему в руки семь лет назад, когда его отстранили от тренировок.

Он достал ее и щелкнул колесиком.

Язычок пламени ярко вспыхнул.

Глядя на огонь, он улыбнулся.

Се Линь, — тихо произвел он. — Того, чего ты ждал, я вернулся.

Огонь отразился ярким светом в его глазах.

Точно так же, как в тот дождливый вечер много лет назад, когда его удар по дуге пришелся точно в мертвую зону ворот.

На этот раз он играл не ради кого-то другого.

Он играл ради того, кто взял на себя его вину.

И они должны выиграть.

<http://bllate.org/book/19070/1873130>